

- Сбил меня с толку двумя обедами и плиткой шоколада, и это называется «ничего особенного»?

Чжэнь Сяо на миг лишился дара речи, отвёл взгляд, перестал смотреть на него и, откинувшись на подушку в больничной койке, наотмашь парировал:

- Тогда почему ты так боишься, что я кому-нибудь расскажу, как ты дерёшься?

У взрослых всегда есть тайны, о которых не принято говорить. Разговор зашёл в такое русло, что Ся Цзинчжэ больше не хотелось допытываться. Словно из вредности тяжело грохнув пустой контейнер для еды на стол, он слегка помрачнел:

- Ладно, сменим тему. Почему ты с самой первой встречи так меня ненавидишь? Вот это уже точно касается меня?

Свет лился мягко и безмятежно, обстановка вокруг была простой и чистой, и лишь одежда собеседника пестрела яркими красками. Чжэнь Сяо опустил взгляд, бесцельно скользя по сложным узорам на ткани, и ничего не ответил.

Если подумать, почему... Да он и сам уже не был уверен, действительно ли всё ещё ненавидит или испытывает отвращение к этому человеку. Да, ему претило его вечно вздорное, задиристое поведение, и запах табака от него тоже был не по душе. Но если, как сейчас, этот человек не носил пропахшую сигаретным дымом одежду и не сверлил его раздражённым взглядом... что же пряталось под этой его шаткой, рушащейся неприязнью?

Долгое время юнак молча вздыхал, отбросив рациональные мысли, и, словно идя на компромисс, выложил правду как на духу:

- Мне не нравится запах от тебя. Ментоловые сигареты и... нет, просто пусть будет так.

Точно такой же аромат исходил от его биологической матери, из-за чего, когда он впервые уловил его, это вызвало у него почти такое же отвращение.

Ответ оказался неожиданным. Ся Цзинчжэ на секунду замолчал, медленно приподнял бровь и спросил его тоном, каким обычно разговаривают с младшеклассниками:

- И это всё?

- Угу.

- Слишком по-детски, - кроме наивности, он никак не мог подобрать другого определения. - Ненавидеть человека из-за запаха, ты что, собака?

- Ты кого собакой назвал?

- Тебя, - Ся Цзинчжэ протянул ему стакан тёплого апельсинового сока с шипучей витаминкой.

- Пей, врач прописал, для витаминного баланса. Школа тут недалеко, как прокапают - иди обратно сам. У меня дела, я пошёл.

Не питать к людям надежд, не отдавать им своё сердце - раз уж зашёл так далеко в своём суждении носа не в свои дела, на этом и стоило остановиться. Даже если в глазах этого парня промелькнуло немного успокаивающего и знакомого тепла, не стоило возлагать на него слишком много надежд, иначе всё закончится тем же самобичеванием, что и раньше... Для такого человека, как он, общение и вовсе было недостижимой роскошью.

Безумная мысль завязать с курением ради другого человека мелькнула на мгновение и тут же безразлично задвинулась на самый дно души, словно бессмысленный вздох.

- Погоди...

Не успел он подняться, как кто-то внезапно ухватил его за рукав, резко дёрнул и тут же отпустил. Ся Цзинчжэ озадаченно опустил голову и нос к носу столкнулся с невысказанным вопросом в глазах Чжэнь Сяо. Ошеломлённо он спросил:

- Что-то ещё?

Что-то ещё? Кажется, ничего. Он и сам не понимал, почему при виде того, как собеседник собирается уйти, в груди промелькнуло чужое, паническое чувство, заставившее протянуть руку и остановить его. Но он действительно это сделал.

К счастью, его сообразительный мозг на этот раз не подвёл и быстро подкинул оправдание: «просто не хочется снова свалиться в больницу от голода». Найдя рациональное объяснение своему странному поведению, он обрёл прежнюю уверенность в голосе и с нарочитой серьёзностью напомнил:

- Прошное ещё не закрыто.

Ся Цзинчжэ замер:

- Что...

- Плата за молчание.

- Разве я не угощал тебя едой?

- До еды дело не дошло.

- А разве я не купил тебе коробочку с обедом?

- Это была справедливая компенсация за то, что ты напугал меня до больницы.

- С чего это я тебя напугал до больницы, ты же сам в обморок от голода упал...

- Ну тогда это милостыня из жалости к тому, что я упал в обморок от голода, - Чжэнь Сяо непринуждённо склонил голову набок, а в глубине его глаз мелькнула едва уловимая лукавая усмешка - судя по всему, наблюдать за тем, как тот злится, доставляло ему немало удовольствия. - Как ни крути, это разные вещи, так что с тебя всё ещё ужин.

Ся Цзинчжэ лишился дар речи. Подумав о том, не повредился ли у этого парня рассудок от голода, он долго молчал, решив, что на него, должно быть, нашла злая година, раз он связался с такой занозой. Сдерживая гнев, он процедил:

- Чего ты хочешь...

- Поесть. Но сейчас я не хочу, сначала налей мне стакан воды - иначе я завтра же доложу учителю, что ты дрался.

- Ты что, ученик начальной школы, чтобы ябедничать!

Пока не задеваешь по-настоящему запретные темы, этот на вид вспыльчивый человек на самом деле весьма сговорчив, а его границы дозволенного оказались шире, чем представлялось. Такой вывод Чжэнь Сяо сделал после двух попыток испытать судьбу на прочность, основываясь на том, что тот не бросил его в забегаловке общепита и не перестал делиться шоколадом, несмотря на все проявления неприязни с его стороны...

На вид он задиристый и колючий, но на деле обладает неплохой эмпатией и его вполне можно назвать добрым. Нет, пожалуй, он просто страстной любитель совать нос в чужие дела.

- А ещё... эта шипучка слишком кислая, мне бы чего-нибудь сладкого... - Чжэнь Сяо бросил косой взгляд на его выражение лица и безнаказанно добавил ещё одну реплику.

- Понял, понял, чтоб ты от сладости лопнул, - с мыслью заказать в интернете целую корзину фруктов, нет, лучше погребальный венок, Ся Цзинчжэ прикусил кончик языка и холодно бросил: - Есть ещё требования - выкладывай сразу. Только не смотри на меня так, аж кулаки чешутся.

- Ещё... - Чжэнь Сяо сделал вид, что задумчиво размышляет пару секунд, и произнёс: - Я не

знаю дороги обратно в школу, да и сил у меня нет, так что придётся тебе потрудиться и дотанести меня на спине...

После чёткого и решительного удара в мире воцарилась тишина.

- И не думай. То, что я доведу тебя пешком - уже одолжение, а фрукты и еду обсудим завтра...
Эй, ты чего?

Он всего лишь ударил его слегка для пущей страстки, вложив минимум силы, но человек напротив словно получил сильнейший удар: согнувшись и обхватив живот руками, он долго не мог произнести ни слова. Пряди растрёпанных волос падали на подушку, обнажая крошечный кусочек бледного, лишённого всяких красок лица - такого белого, что оно почти сливалось с наклеенным на виске пластырем.

<http://bllate.org/book/26742/3203003>